

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Первая поездка Л. Н. Толстого в Самарскую губернию состоялась в мае 1862 года по настоянию врачей. Они рекомендовали писателю всерьез заняться поправкой здоровья, подорванного напряженной работой, — в те годы Лев Николаевич занимался организацией Яснополянской школы для крестьянских детей, немало сил и времени отнимало и исполнение обязанностей мирового посредника.

Но почему именно в Самарскую губернию? Дело в том, что тогда все более популярным становилось кумысолечение, и выбор заволжских степей был не случаен — слава о башкирских кумысниках на реке Каралык шла по всей России.

12 мая 1862 года Лев Николаевич покинул Ясную Поляну, взяв с собой слугу Алексея и двух крестьянских мальчиков — Васю Морозова и Егора Чернова, с которыми он занимался в Яснополянской школе.

На лошадях доехали до Москвы, потом по железной дороге прибыли в Тверь, где пересели на пароход, направлявшийся вниз по Волге.

26 мая они уже знакомились с Самарой. На другой день Лев Николаевич писал отсюда своей тетке П. И. Юшковой: «Я нынче еду из Самары за 130 верст в Каралык Николаевского уезда. Адрес мой: в Самару Юрию Федоровичу Самарину, для передачи Л. Н. Т. Путешествие я сделал прекрасное, место мне очень понравилось, здоровье лучше, то есть меньше кашляю. Алексей и ребята живы и здоровы, что можете сообщить их родным».

Лев Николаевич не оставил описания первой поездки на Каралык, но многие подробности этого периода мы находим в воспоминаниях Василия Морозова — того самого ученика Яснополянской школы, что путешествовал вместе с Толстым:

«Из Самары опять пришлось ехать на лошадях 130 верст... Ну, слава богу, приехали на место! Это была степь — ни одной деревни не было видно, ни лесочков, ни кустиков, только видны неустроенные какие-то войлочные кибитки. Мы остановились у одной из кибиток. Здесь нам была квартира — ночевка, снятая у башкирина-муллы.

Кибитка наша была не тесная — четверым нам было просторно. Вскоре нам принесли два больших старых ковра и еще какой-то войлок. Ковры были постелены на земляном полу, а войлок был принесен для постели Льва Николаевича. В кибитке стало опрятно, как внутри, так и снаружи.

Кибитка была большая, с целую избу, кругообразная, построена на каких-то колышках и перекладинах, покрыта и обтянута довольно све-

жим войлоком. Наша кибитка стояла в числе многих других кибиток, расположенных в двух рядах друг против друга по берегу речки Каралык.

Вот незаметно прошло две недели с нашего приезда к башкирам. Нам показалось у них весело, мы скоро привыкли к башкирам и башкиры к нам. В особенности полюбили все башкиры Льва Николаевича — от старого до малого. Он способный, с кем как обойтись: с некоторыми стариками беседовал серьезно о вере, боге, аллахе, с некоторыми шутил до смеха, а с некоторыми проводил все башкирские игры, и во всем он участвовал. И всякий его любил за свое, и это продолжалось каждый день за все время, что мы там прожили».

Своей родственнице Т. А. Ергельской Лев Николаевич писал о жизни на Каралыке в несколько шутовском тоне: «Мы с Алексеем потолстели, в особенности он, но кашляем немного... Живем мы в кибитке, погода прекрасная. Я нашел приятеля Столыпина — атаманом в Уральске — и ездил к нему и привез оттуда писаря, но диктую и пишу мало. Лень одолевает при кумысе. Через две недели я намерен отсюда выехать и потому к Ильину дню думаю быть дома».

Выехать пришлось раньше, не удалось даже закончить курс лечения — Лев Николаевич получил сообщение о происшедшем в Ясной Поляне жандармском обыске.

Позднее Толстой с большой теплотой писал о башкирах — это были впечатления от встреч на Каралыке. Писатель восхищался их простотой, доверчивостью.

Льва Николаевича очаровала природа заволжских степей, этого нетронутого уголка земли. Заветной мечтой его стало вернуться на Каралык, обосноваться там прочно. (Впоследствии он принял решение о покупке земли в Николаевском уезде и устройстве показательного хозяйства.)

Вторую поездку на Каралык Лев Николаевич Толстой совершил ровно через девять лет после первой. 15 июня 1871 года он снова приехал в башкирские кочевья. На этот раз его сопровождали брат жены Степан Андреевич Берс и слуга И. В. Суворов.

Вначале Толстой чувствовал себя плохо, он даже сомневался, выдержит ли весь шестинедельный курс лечения, как он говорил, «свой иску». Но вскоре стал бодрее. Помогло близкое общение с природой. Лев Николаевич много охотился, ездил по окрестным деревням, изучая жизнь и быт населения. В конце июня вместе с С. А. Берсом он побывал на ярмарке, проходившей за семьдесят верст, в Бузулуке.

Ярмарка поразила Толстого пестротой национальных одежд, обилием представителей различных племен и народов. В большой толпе можно было встретить русских мужиков и уральских казаков, башкир и киргизов... Лев Николаевич долго ходил по ярмарке, рассматривал со свойственной ему любознательностью привезенные на продажу товары, разговаривал с людьми.

Постепенно он втягивался в степную жизнь, и все сильнее хотелось ему устроиться в этих местах, крепла мысль о приобретении земли. Он писал об этом жене и приводил многочисленные аргументы в под-

держку своего решения: «... степной воздух, купание, кумыс, верховая езда... живописная местность и — главное: особенно соблазняет простота, и честность, и наивность, и ум у здешнего народа...»

Наконец у помещика Тучкова было куплено две с половиной тысячи десятин земли. И с тех пор посещения Львом Николаевичем заволжских степей стали ежегодными. Так, в июле 1877 года он приезжает вместе с приказчиком, яснополянским крестьянином Тимофеем Фокановым, для устройства имения на реке Тананык, в окрестностях сел Гавриловка, Патровка и Землянки (ныне Алексеевский район нашей области).

На следующее лето Толстой приезжает в самарское имение уже со всей семьей. Еще не было оно отстроено, и жили они в плохоньком деревянном домике, неподалеку от которого стояли две войлочные кибитки башкир-кумысников.

Трудным для хлеборобов выдался тот год. Зной выжег поля, погибли посевы в окрестных деревнях. Усугубляла положение и примитивная агротехника, применявшаяся на полях.

Лев Николаевич, хорошо знавший сельское хозяйство, отчетливо понимал, что за неурожаем неумолимо последует голод. 17 августа 1873 года в газете «Московские ведомости» он публикует взволнованное письмо «О самарском голоде». Свидетельства, приводимые писателем, потрясают. «Проехав по деревням от себя до Бузулука 70 верст, и в другую сторону от себя до Борского 70 верст, и еще до Богдановки 70 верст, и заезжая по деревням, я, всегда живший в деревне и знающий близко условия сельской жизни, был приведен в ужас тем, что я видел...».

На всю огромную Россию прозвучало взволнованное обращение Толстого к народу помочь голодающим хлебопашцам Поволжья. Да, писатель обращался именно к народу. Он прекрасно сознавал, что рассчитывать на помощь царского правительства, знати, утопавшей в роскоши, бесполезно.

Публикация письма-воззвания была поступком смелым — ведь царизм всячески замалчивал народные бедствия, правительство пыталось создать впечатление, что никакого голода нет, просто крестьяне лентяи, пьянствуют, не хотят работать. И вот через головы министров, не обращая внимания на жандармские окрики, великий писатель расказывает страшную правду о бедствиях в Поволжье.

Огромный общественный резонанс имело выступление Толстого. Потекли пожертвования. За два года было собрано 1 миллион 887 тысяч рублей, 21 тысяча пудов хлеба. Многие тысячи крестьянских жизней были спасены от голода.

В августе 1874 года Лев Николаевич ненадолго отправляется на Волгу вместе с сыном Сергеем. А летом 1875 года в имение приезжает вся семья. К этому времени уже действовал конный завод, о котором Лев Николаевич очень заботился, — трогательная привязанность к лошадям отличала его всю жизнь.

В начале следующего года Толстой приезжает в сопровождении племянника — Николая Толстого. Вместе они путешествуют по сте-

пям, посещают Оренбург. В пути им часто встречаются обозы переселенцев, едущих осваивать восточные земли, и Лев Николаевич подолгу беседует с мужиками, расспрашивает их о прошлой жизни, о надеждах на будущее.

Один из рассказов Льва Николаевича об этих встречах записала С. А. Толстая:

«...В прошлое лето жили мы в Заволжье и поехали раз вдвоем к казакам, верст за 20 от нашего самарского хутора. Встречаем мы целый обоз, несколько семейств, дети, старики — все веселые. Мы остановились и спросили старика: «Куда вы?» — «Да на новые места едем из Воронежской губернии. У нас там тесно, земля наша малая, не только скотину, куренка выпустить некуда...»

Это свидетельство тягчайшего положения крестьянства в России. Безземельное, доведенное до отчаяния гнетом царизма, оно и после отмены крепостничества осталось бесправным, получив разве лишь единственное право — уходить неведомо куда, рассеиваться по огромной необжитой стране.

Продолжалось в те годы заселение и нашего степного Заволжья. Многие переселенцы оставались на этой земле — отнюдь не обетованной...

Во время очередного, через два года, посещения имения Толстой особенно много внимания уделял сельскохозяйственным работам. Все члены семьи, а также брат жены С. А. Берс принимали непосредственное участие в уборке хлебов. Молотили и веяли, постигая нелегкую крестьянскую науку.

И еще одним событием был знаменателен этот приезд летом 1878 года. По округе пронеслась весть о том, что граф Толстой устраивает скачки на пятьдесят верст. Так на самом деле и было. Лев Николаевич знал, что местное население очень любит конный спорт, потому и устроил состязания.

В назначенный день съехались к имению несколько тысяч человек — русские, казаки, киргизы, башкиры.

Два дня продолжались соревнования, пока все призы, заготовленные Львом Николаевичем — бык, лошадь, ружье, часы, халаты, — не обрели своих владельцев.

Вскоре к Толстому приехал погостить его давний друг Н. Н. Страхов. В конце августа они вместе направились в Ясную Поляну.

Невеселые думы томили сердце писателя. Его тяготило положение богатого помещика. Сравнивая жизнь крестьян и «высшего сословия», он неумолимо приходил к выводу о несправедливом устройстве общества. У него дропало всякое желание заниматься хозяйством, и он уже не прочь был его ликвидировать.

Вот почему поездки Толстого на Волгу становятся реже. Побыв вместе с сыном в своем имении летом 1881 года, он переживает мучительные угрызения совести, наблюдая социальные контрасты. И его последнее пребывание в нашем крае — в мае—июне 1883 года — связано с ликвидацией имения. «Скот, лошадей, постройку — все продаю и раздаю землю в аренду, — сообщал он жене в письме, датированном

29 мая 1883 года. — Не знаю, как дальше, но мне теперь неприятно мое положение хозяина и обращение бедных, которых я не могу удовлетворить».

Однако тогда Толстой не осуществил до конца своего намерения. Вести хозяйство он поручил своему сыну, что Сергей Львович и исполнял с 1884 по 1891 год. А в 1892 году он отправил другого сына — Льва Львовича вместе с Бирюковым в Заволжье для оказания помощи голодающим крестьянам — снова грянул неурожайный год. Около 200 столовых было открыто на добровольные пожертвования, в них получали горячую пищу до 20 тысяч человек.

Интересно проследить отношение к этому благородному делу со стороны царских сатрапов. Им было враждебно всякое сострадание, проявлявшееся к бедствующим крестьянам. Вот что писал Льву Львовичу земский начальник Слободчиков:

«Меня крайне опечалило то обстоятельство, что вы изволили открывать столовые в Виловатовской волости без всякого ведома для меня. Я со своей стороны, как ближайший начальник над Виловатовской волостью, думаю, что открытие вами столовых в этой волости ничего, кроме вреда для населения, в смысле усиления праздности, не принесет...»

Кто вспомнит теперь этих слободчиковых? А вот Лев Николаевич в памяти жителей заволжских сел на долгие годы оставался и остается добрым другом и товарищем. Этот необыкновенный помещик не только не притеснял крестьян, а напротив — помогал хлебом и семенами для сева, давал деньги на покупку лошадей и коров. И, выполняя свое решение о раздаче земли в аренду, причем по самой дешевой цене, он прежде всего собрал сельский сход в деревне Гавриловке. 380 домов-хозяйств числилось в те времена в этой деревне. 79 хозяйств, то есть почти каждое четвертое, были безземельными, еще около сорока хоть и имели землю, но не могли ее обрабатывать из-за отсутствия тяглого скота. Это им, беднейшим, хотел в первую очередь помочь Лев Николаевич.

Почти столетие минуло с тех пор. Сегодняшняя Гавриловка — разве хоть мало-мальски напоминает она прежнюю? Школа, детский сад, ясли, клуб — все это есть в селе, где раньше и слов-то таких не слыхивали. Почти три десятка тракторов работают на полях колхоза. Высокая механизация, введение культурной агротехники, создание полезащитных лесополос позволили неизмеримо поднять урожайность по сравнению с прошлым веком.

Большое развитие получило и животноводство — колхоз имеет молочнотоварную ферму на 500 коров. Несравнимо выросли крестьянские доходы.

В этом — дыхание нашего времени. Новая Гавриловка — воплощение советского образа жизни. Но благодарная память потомков вновь и вновь обращается к тем дням, когда на этой земле рядом с простыми людьми трудился великий Толстой. Он не видел путей к избавлению от векового рабства, но отлично понимал, что самодержавию, гнету и насилию придет конец. Вот за что он бесконечно дорог нам.